
**МЕТОДОЛОГИЯ ИЗУЧЕНИЯ
ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА**

С.Ф. Дмитренко¹

Литературный институт имени А.М. Горького

**М.Е. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН
ПОСЛЕ ЗАКРЫТИЯ «ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСОК»:
ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО В КУЛЬТУРНО-
ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ²**

В статье поднимается вопрос о необходимости реконструкции творческого наследия М.Е. Салтыкова-Щедрина. Указав на методологические просчеты *щедриноведения* (авторский термин, подразумевающий все то, что создано и опубликовано о писателе отечественными авторами в России-СССР вплоть до середины 1980-х годов, то есть в подцензурных условиях), автор статьи предлагает методологию исследования периода в его целостности и подробностях на основе анализа документальных источников.

Ключевые слова: Салтыков-Щедрин, «Отечественные записки», Александр III, контекст, сатира, психологическая проза, Серебряный век.

S.F. Dmitrenko

Gorky Literary institute

(Moscow)

**M.E. SALTYKOV-SHCHEDRIN AFTER THE CLOSING OF
«OTECHESTVENNYE ZAPISKI»: LIFE AND WORK IN
CULTURAL AND HISTORICAL CONTEXT**

The article investigates the necessity of the reconstruction of M.E. Saltykov-Shchedrin's creative heritage. Pointing out the methodological drawbacks of shchedrinovedeniye (the author's term meaning everything written and published

¹ Сергей Фёдорович Дмитренко, кандидат филологических наук, доцент кафедры новейшей русской литературы Литературного института имени А.М. Горького (Москва).

² Исследование выполнено в рамках поддержанного Российским гуманитарным научным фондом проекта «М.Е. Салтыков-Щедрин и его современники» (№ 15-04-00389).

about the writer by the native researchers in Russia and in the USSR up to the middle of 1980s, i.e. under censorship conditions), the author of the article offers the methodology of investigating this period in its integrity and peculiarities based on the documentary sources.

Keywords: Saltykov-Shchedrin, «Otechestvennye zapiski», Alexander III, context, satire, psychological prose, Silver age.

В числе нынешних гуманитарных проблем первостепенной важности – беспристрастная научная оценка результатов развития российского литературоведения после 1917 года и вплоть до наших дней. Не поддаваясь конъюнктурному политиканству, мы обязаны scrupulously оценить и учесть труды нескольких поколений ученых, работавших под тяжелейшим идеологическим и цензурным давлением. В этом плане особый интерес – при значительной трудности анализа – вызывает судьба творческого наследия М.Е. Салтыкова-Щедрина.

Самобытная фигура в кругу гениев мировой сатиры, Салтыков¹ был крупнейшим мастером русского слова. Художественный язык Салтыкова-Щедрина многократно получал высочайшие оценки, концентрированное выражение которых, пожалуй, наличествует в резюмирующем высказывании историка и философа П. Б. Струве: «...среди классиков русской литературы есть, насколько я вижу, только два безупречных, в смысле синтаксической правильности языка, писателя: Тургенев и Салтыков-Щедрин. В особенности в этом отношении поразителен последний. Русский язык Салтыкова-Щедрина, может быть, не самый сильный и яркий, но, наверное, самый чистый и правильный во всей русской литературе, и жаль, что этого безупречного писателя с каждым днем читают все меньше и меньше» [Струве, 1926, с. 4].

¹ Здесь и в дальнейшем мы будем преимущественно пользоваться именем *Салтыков*, имея все основания утверждать, что родовое имя писателя вбирает в себя все прочие его именованья и псевдонимы, в том числе самый известный: Н. Щедрин. См. по этой проблеме перспективную статью: [Строганов, 1997, с. 9-12].

Однако идеологи коммунизма-большевизма превозносили его в первую очередь как упорнейшего из борцов с самодержавием на литературном поле брани¹.

Издания его произведений при такой интерпретации были частыми, а выпущенное в 1965–1977 годах собрание его сочинений в 20 томах (24 книгах), хотя и не является академическим, по тщательности своей подготовки и справочно-библиографическому аппарату донныне остается (и, очевидно, еще многие годы будет оставаться) опорным в дальнейшем развитии щедринистики. Стремясь определенным образом обозначить содержательные разделы в своде исследований, посвященных наследию М.Е. Салтыкова-Щедрина, рискну предложить два рабочих определения. *Щедринистика* включает в себя весь корпус текстов о Салтыкове-Щедрине; под *щедриноведением* подразумеваются все то, что создано и опубликовано о писателе отечественными авторами в России-СССР вплоть до середины 1980-х годов, то есть в подцензурных условиях.

Наряду с этим при прочтении и интерпретации произведений Салтыкова литературоведы советского времени постоянно становились заложниками вненаучных обстоятельств. Это зримо видно в фактах судьбы и в трудах лидера советского щедриноведения С.А. Макашина²; выразительным текстуальным примером этой

¹ Приведу всего лишь несколько разновременных примеров, свидетельствующих о том, что наследие М.Е. Салтыкова после 1917 года поместили в ненаучный, хотя с точки зрения коммунистической идеологии очень почетный круг так называемых революционных демократов. «Художественный стиль Салтыкова-Щедрина является не только просветительским, но и революционным», он – представитель «революционно-демократической сатиры», «величайший предшественник социалистического реализма в нашей литературе» [Лаврецкий, 1991, с. 527, 528, 529], «Салтыков-Щедрин – великий писатель, один из виднейших деятелей русской революционной демократии»¹, Салтыков-Щедрин – «крупнейший писатель революционно-демократического направления» [Кулешов, 1983, с. 87]. Даже в 1991 году, в академической «Истории всемирной литературы» читаем о «Салтыкове-Щедрине, шедшем в авангарде русского народно-освободительного движения» [Бушмин, 1991, с. 105].

² Отчасти – но только отчасти – это показано им самим в опубликованном незадолго до кончины очерке: [Макашин, 1989а, с. 120-150].

научной драмы выступает опубликованный пока что лишь в отрывках комментарий к «Истории одного города» выдающегося филолога, академика АН УССР и АН СССР А.И. Белецкого¹.

Многие интерпретации шедевров Салтыкова, несмотря на их глубокую укорененность как в литературоведении, так и в профессиональном и в общем литературном образовании, сегодня выглядят несостоятельными, пребывающими вне сути им написанного. Вместе с тем посткоммунистические десятилетия, прожитые нашей страной, подтвердили не только большинство суждений писателя касательно психологических основ человеческой природы, общественного устройства, государственного управления и миропознания. Наша посткоммунистическая практика показала, что история императорской России, освобождаемая от предвзятых, часто лживых интерпретаций коммунистических идеологов, не освобождается от ярко сатирических оценок, данных ей писателем. Ибо не в отечественное самодержавие как таковое метил Щедрин, а художественно осмысливал хитросплетения человеческих отношений, субстанционально всегда одних и тех же, вне зависимости от времени и места.

Салтыкова доньше во многом представляют раздражённым обличителем определенного государственного строя – российского самодержавия, в то время как он был и остается писателем мировой величины, создавшим художественный мир особого рода психологической прозы, управляемый союзной системой между автором-повествователем, персонажами и читателем во всей его феноменологической сложности.

Его наследие – по своей глубоко интеллектуальной и совершенной художественной сути в действительности оставалось и, вне сомнений, будет оставаться впредь всегда актуальной, оздоравливающей силой, одной из вершин русской мысли во всей ее полноте. Течение времени не помеха творческим созданиям писателя. Более того, сегодня очевидно, что значительная часть его художественных и публицистических произведений, статей и даже

¹ См.: Салтыков-Щедрин, 2010, с. 292 и далее. Там же – об истории создания и судьбе этого исследования.

писем серьезно и глубоко еще не прочитана и не осмыслена именно как вечно живое и необходимое живым наследие. Вместе с тем – это также совершенно ясно, – немало щедриноведческих трудов показывают: книги Салтыкова-Щедрина – книги отнюдь не закрытые. Внутренне свободные ученые былых времени и всесторонне свободные современные исследователи раскрывают в них сложно устроенные философские, социальные, художественные смыслы. Эти книги, как и прежде, развернуты к злободневности и вместе с тем к незабываемым глубинам нашего национального бытия, обращены к *читателю-другу*, они передают и будут передавать миру вечное чувство их автора, нежно и взыскательно любившего Россию *до боли сердечной*, желавшего видеть своё отечество «не столько славным, сколько счастливым» [Салтыков-Щедрин, 1972, т. 13, с. 334].

В таких обстоятельствах необходима всеобъемлющая реконструкция наследия Салтыкова-Щедрина, начинающаяся с беспристрастного перечитывания и историко-культурного комментирования написанного им. Но здесь современные исследователи оказываются в парадоксальном положении. С одной стороны, как отмечено выше, благодаря политической благосклонности большевистских идеологов к Щедрину, в советское время было немало сделано для издания его сочинений и писем. С другой стороны, именно доминанта этой политической благосклонности понуждала даже добросовестных исследователей к упрощению комментариев, к редукции всего художественного мира, созданного Салтыковым. В итоге мы имеем труднообозримый корпус разнокачественных щедриноведческих трудов, в которых реальности перепутаны с фантомами, и для того, чтобы сориентироваться в этом море, необходимо то же самое – обращение к первоисточникам, то есть к написанному Салтыковым.

Однако и здесь остается право на выбор подхода. Согласно с этим правом в настоящей работе избран вектор аналитического движения от устья к истоку, то есть объектом исследования делается творчество М. Е. Салтыкова, начиная с 1884 года, когда он по воле судьбы оказался свободным от труда в «Отечественных записках».

В этих обстоятельствах Салтыков парадоксальным образом получил невообразимую прежде возможность полностью сосредоточиться на своих собственных трудах, не отвлекаясь на

журнальную борьбу и тому подобные околотературные дела. В настоящей работе попытаемся рассмотреть этот период как в его целостности, так и в подробностях художественных результатах творчества М. Е. Салтыкова в 1884–1889 годах.

Среди вышеобозначенных актуальных проблем отечественного литературоведения да и всей нашей гуманитарной науки остается возвращение к изучению содержания и значения 1880-е годов в истории русской литературы и культуры. По сложившейся традиции, под 1880-ми годами историки и литературоведы понимают эпоху правления императора Александра III, то есть 1881–1894 годы. Этот период, очевидно, синхронизируется и с важными событиями литературной жизни. В начале 1880-х завершают свой земной путь крупнейшие русские писатели – Достоевский и Тургенев, а также творчески заметный Писемский. На литературную арену выходят Гаршин, Короленко, Чехов, Надсон – писатели, так или иначе связанные и этически и эстетически со сложившейся со времен Пушкина системой литературных ценностей.

Но тогдашний процесс литературного развития не может быть представлен линейно. Осенью 1892 года дебютирует М. Горький – прозаик, а Д.С. Мережковский тогда же выступает с лекциями «О причинах упадка русской литературы» и «О новых течениях современной русской литературы», и эти события, как сегодня видно, знаменуют наступление новой литературной эпохи, которая впоследствии получила наименование «Серебряный век», пусть дискуссионное, но достаточно содержательное¹. В последние десятилетия стали появляться работы, реконструирующие реальный историко-культурный контекст эпохи Александра III и, прежде всего, освобождающие его от превратных толкований историками коммунистического времени². Однако этот процесс еще далек от устойчивого выхода на научный уровень, и этой перспективе, как

¹ О критериях в определении периодов развития русской литературы в XIX–XX веках мне доводилось писать ранее; см., в частности: [Дмитренко, 2004, с. 5-10].

² См., например, резюмирующие издания: [Александр Третий, 2001; Боханов, 2006; Александр III: pro et contra. 2013].

представляется, могут способствовать конкретные исторические, филологические, общекультурные исследования, обращенные к изучению вполне локальных, но при этом принципиальных вопросов¹.

В этом плане даже общий анализ творческого пути М.Е. Салтыкова в 1884–1889 годы представляется весьма выразительным и многозначительным.

В щедриноведении, сложившемся на протяжении столетия с лишком, закрытие «Отечественных записок», рассматривается как «катастрофа» (слово самого Салтыкова в письме к Г.З. Елисееву от 5 мая 1884 года) [Салтыков-Щедрин, 1977, т. 20, с. 16; см. также: с. 22, 40, 55]. То же обобщающее определение «катастрофа» перенял для своего фундаментального биографического труда С.А. Макашин [Макашин, 1989b, с. 310, 312, 323, 328], который признавал закрытие журнала «гибелью того дела выдающегося национально-исторического значения, служению которому писатель отдал немалую часть своей жизни и труда» [Макашин, 1989b, с. 323]. В этой же работе С.А. Макашин обращает внимание на то, что Салтыков был редактором, в сравнении с Н.А. Некрасовым, «более глубоко вникавшим во все дела журнала. Он был главной и постоянно действующей силой издания... <...> Жалуясь в письмах на “разные фасоны” своих недомоганий, он не раз утверждал, что его “главная болезнь” – “Отечественные записки”» [Макашин, 1989b, с. 179].

В письмах Салтыкова 1884 года содержится немало высказываний, на первый взгляд, подтверждающих такие выводы. С упразднением «Отечественных записок» он, многие годы печатавший все свои сочинения только здесь, потерял свою главную трибуну: «...меня, прежде всего, поражает (и до сих пор не могу освоиться), что я лишен возможности ежемесячно беседовать с читателем. <...> Один ресурс у меня оставался – это читатель. Признаться сказать, едва ли не его одного я искренне и горячо любил, с ним одним не стеснялся» [Салтыков-Щедрин, 1977, т. 20, с. 22; ср. 20, 24; 20, 28 и др.]. Свое состояние Салтыков определял как «физическую агонию» [Салтыков-Щедрин, 1977, т. 20, с. 20], в письмах не раз жаловался на ухудшение

¹ В качестве собственного скромного вклада здесь назову свои статьи: [Дмитренко, 2011; Дмитренко, 2014а; Дмитренко, 2014б; Дмитренко, 2014с].

здоровья, связанное именно с закрытием журнала [Салтыков-Щедрин, 1977, т. 20, с. 20, 19, 27, 40].

Однако переживая эмоциональное потрясение, Салтыков говорит и о других обстоятельствах перспектив своего труда в «Отечественных записках». Так, после смерти Некрасова он только после долгих раздумий принял решение возглавить журнал [Салтыков-Щедрин, 1977, т. 19-2, с. 321–327]. А судя по письму к К.Д. Кавелину от 12 мая 1884 года, намечал не продлевать с собственником-издателем «Отечественных записок» А.А. Краевским контракт на редакторство, истекавший в конце 1885 года [Салтыков-Щедрин, 1977, т. 20, с. 22]. Хотя 20 октября 1883 года контракт был продлен на два года по 1 января 1886 года (см.: [Салтыков-Щедрин, 1977, т. 19-2, с. 321-327]), причины этого – сугубо финансового свойства – названы самим Салтыковым в письме к А.Н. Островскому от 15 октября 1883 года: «...мне туго в материальном смысле» [Салтыков-Щедрин, 1977, т. 19-2, с. 238-239].

Объявленные в советское время «лучшим демократическим журналом России» тех десятилетий [Краткая литературная энциклопедия, 1968] и даже просто «лучшим журналом России» [Емельянов, 1986], реальные «Отечественные записки» прошли достаточно сложный, даже замысловатый путь существования.

Определение «лучший» нельзя отнести к научным, хотя в литературоведении советского периода с его идеологическими доминантами оно выглядело неоспоримым. Но, например, в обоснование этого качества не приводилось, что было бы логично, количество художественных произведений, увидевших свет на страницах издания, а затем выдержавших проверку временем. В этом смысле «Отечественные записки» оставили далеко позади, например, издававшийся в то же время журнал «Русский вестник», где в 1856 году состоялся второй, «щедринский» дебют М.Е. Салтыкова. Во всяком случае мы должны признать, что в гуманитарном сознании советского человека укоренялось вполне умозрительное представление об «Отечественных записках» как «важнейшей легальной трибуне передовой общественной мысли, средоточии

лучших сил демократической литературы, боевой публицистики и критики эпохи революционного народничества»¹.

Переводя с языка идеологизированного по-коммунистически литературоведения на обычный, историко-филологический или просто возвращаясь к фактам, не скрываемым и в советское время, увидим, что, по данным Департамента полиции, ряд сотрудников «Отечественных записок» был связан с «государственными преступниками», а публикации журнала «преступно» использовались в революционной пропаганде. В декабре 1882 года был арестован соредaktor журнала Н.К. Михайловский, а в январе 1884 года заведующий публицистическим отделом С.Н. Кривенко [Емельянов, 1986, с. 321 и след.]. В «Правительственном сообщении» от 20 апреля 1884 г. о прекращении Совещанием министров внутренних дел, народного просвещения и юстиции и обер-прокурора Святейшего синода издания «Отечественных записок» журнал характеризуется как «орган печати, который не только открывает свои страницы распространению вредных идей, но и имеет своими ближайшими сотрудниками лиц, принадлежащих к составу тайных обществ» [см. полностью: Салтыков-Щедрин, 1977, т. 20, с. 478-481].

В этом смысле популярность журнала, хотя и специфическая, была очевидной, и репутация социал-радикалистского издания обеспечивала «Отечественным запискам» высокий спрос. По данным В.Э. Богграда, «Отечественные записки» в 1882–1883 годах достигли пика своего тиража – более 10000 экземпляров [Боград, 1971, с. 728], а к моменту закрытия «Отечественных записок», по свидетельству самого Салтыкова, журнал имел 7600 подписчиков [Салтыков-Щедрин, 1977, т. 20, с. 12]. В то же время тираж «Русского вестника» был куда скромнее.

Сам Салтыков, также в письмах, давал итоговые оценки и самому журналу, и своей деятельности в нем. «Поистине, это был единственный журнал, имевший физиономию журнала, насколько это в Пошехонье возможно. <...> Наиболее талантливые люди шли в

¹ Из многих сходных выбираю как выразительную иллюстрацию свершавшегося определение Н.И. Соколова, извлеченное из рецензии на серьезный научный труд в одном из ведущих филологических изданий того времени: [Соколов, 1973, с. 561].

«Отеч. Зап.», как в свой дом, несмотря на мою нелюдимость и отсутствие обворожительных манер. Мне – *доверяли*, моему такту и смыслу, и никто не роптал, ежели я изменял и исправлял (речь идет о редакторской деятельности Салтыкова, который значительно правил, если не сказать – переписывал произведения многих авторов, поступавшие в журнал – С. Д.). В «Отеч. Зап.» бывали слабые вещи, но *глупых* – не бывало» [Салтыков-Щедрин, 1977, т. 20, с. 29; курсив Салтыкова].

Он говорил о необходимости этого журнала «не потому, чтобы <...> превозносил этот журнал выше небес, но потому что если у него не было положительных качеств, то было отличнейшее качество отрицательное. Он представлял собою дезинфицирующее начало в русской литературе и очищал ее от микробов и бацилл. Вы это качество оцените очень скоро, ибо и теперь читать русскую книгу все равно что нюхать портки чичиковского Петрушки» [Салтыков-Щедрин, 1977, т. 20, с. 60]. Но, если не считать конъюнктурную публицистику «Отечественных записок» (аналитическая проза Глеба Успенского идет по особому разряду), главным «дезинфектором» журнала был сам Салтыков, и закрытие издания не только не стеснило этот талант, а напротив: освобождало его от издательской поденщины. Таким образом, не вдаваясь здесь в подробности существования «Отечественных записок» в 1880-е годы (несмотря на немалое число трудов о журнале, его подлинная история, как представляется, доселе еще не написана), следует признать, что в его прекращении для Салтыкова были положительные стороны, поначалу не осознаваемые даже им самим.

«Интеллектуальная жизнь этой эпохи – эпохи “мысли и разума” – отличалась интенсивностью во всех сферах, – говорится о России 1880-х годов в академическом издании недавнего, перестроечного времени. – И если техника, наука, живопись, музыка, как известно, переживали расцвет, то и словесное искусство не стояло на месте» [Польских, 1991, с. 152]. Салтыков не мог не почувствовать двусмысленности положения, в котором он оказался. С одной стороны, возглавляемый им журнал «Отечественные записки», принадлежавший к числу оппозиционных изданий, прекратил свое существование. С другой, сам он как писатель, неумоимо писавший

циклы сатирических очерков о современности, чрезвычайно популярные в образованной среде, давно возвысился над этими жанрами. Автор художественно новаторских книг «История одного города», «Помпадуры и помпадурши», «Господа Головлевы», «Современная идиллия», Салтыков встал в первый ряд русских писателей, именно писателей, а не публицистов. И в 1880-е годы, когда литература пусть почти с принуждением оказалась перед необходимостью отвлечься от политической конъюнктуры и заняться «вечными вопросами», он смог продолжить свой труд прозаика-художника, мастера своеобразной психологической прозы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Александр Третий: Воспоминания. Дневники. Письма / Вступит. статья, составление, подготовка текста и примечания В. Г. Чернухи. – Санкт-Петербург: Изд-во «Пушкинского фонда», 2001. – 418 с.

Александр III: pro et contra. Личность и деяния императора Александра III в оценках отечественных мыслителей и исследователей / Сост. И. Е. Барыкина, В. Г. Чернуха. – Санкт-Петербург: Центр содействия образованию, 2013. – 941 с.

Боград, В.Э. Журнал «Отечественные записки» (1868–1884): Указатель содержания / В.Э. Боград. – Москва: Книга, 1971. – 734 с.

Боханов, А.Н. Император Александр III. 4-е изд. / А.Н. Богданов. – Москва: ООО «ТИД “Русское слово – РС”», 2006. – 511 с.

Бушмин, А.С. Салтыков-Щедрин / А.С. Бушмин // История всемирной литературы. – Москва, 1991. Т. 7. – С. 96-105.

Дмитренко, С. Драма красоты: О русской лирике Серебряного века / С. Дмитренко // Лирика Серебряного века. – Москва, 2004. – С. 5-10.

Дмитренко, С.Ф. Лесков в эпоху императора Александра III: проблемы изучения / С.Ф. Дмитренко // Лесковский сборник – 2011. Орловский текст русской словесности: творческое наследие Н. С. Лескова (к 180-летию со дня рождения писателя): Сборник статей. – Орел: ООО Полиграф. Фирма «Картуш», 2011. – С. 51-56.

Дмитренко, С.Ф. Литературное творчество М.Е. Салтыкова-Щедрина в эпоху императора Александра III: К проблеме изучения /

С.Ф. Дмитренко // Литературоведческий журнал. – 2014 а. – № 34. – С. 72-88.

Дмитренко, С.Ф. М.Е. Салтыков и М. . Лорис-Меликов: к истории взаимоотношений / С.Ф. Дмитренко // М. Е. Салтыков-Щедрин: русская и национальные литературы: Материалы международной научно-практической конференции 26-27 сентября 2014 г. – Ереван: Лингва, 2014б. (Представительство Россотрудничества в России; Ереванский гос. ун-т языков и социальных наук им. В.Я. Брюсова; общество «Армения-Россия»). – С. 219-229.

Дмитренко, С.Ф. Историко-культурный и творческий контекст чтения Л. Н. Толстым в 1891 году издания «Euvres choisies» Дидро // Яснополянский сборник: 2014: Статьи, материалы, публикации: Ч. 2. – Тула: НКЦ Музея-усадьбы Л. Н. Толстого «Ясная Поляна», 2014с. – С. 283-296.

Емельянов, Н. «Отечественные записки» Н. А. Некрасова и М. Е. Салтыкова-Щедрина (1868–1884) / Н. Емельянов. – Ленинград: Художественная литература, Ленингр. отд., 1986. – 246 с.

Кирпотин, В.Я. Философские и эстетические взгляды Салтыкова-Щедрина / В.Я. Кирпотин. – Москва: Государственное издательство политической литературы, 1957. – 592 с.

Краткая литературная энциклопедия. – Москва: Советская энциклопедия, 1968. Т. 5. Стлб. 508.

Кулешов, В.И. История русской литературы XIX века. 70–90-е годы / В.И. Кулешов. – Москва: Высшая школа, 1983. – 398 с.

Лаврецкий А. Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович // Литературная энциклопедия. Т. 10: Роман – «Современник». München, 1991. С. 527, 528, 529 – воспроизведение верстки запрещенного тома известной советской «Литературной энциклопедии»; 1931–1939.

Макашин, С. Изучая Щедрина (Из воспоминаний) / С. Макашин // Вопросы литературы. – 1989. – № 5. – С. 120-150.

Макашин, С.А. Салтыков-Щедрин. Последние годы. 1875–1889: Биография / С.А. Макашин. – Москва: Художественная литература, 1989. – 528 с.

Польских, И.А. Литература 80-х – начала 90-х годов [XIX века] / И.А. Польских // История всемирной литературы: В 9 т. – Москва: Наука, 1991. Т. 7. – С. 151-157.

Салтыков-Щедрин, М.Е. История одного города: Роман / Послесл., коммент., даты жизни и творчества С. Ф. Дмитренко; Ил. С. А. Алимова / М.Е. Салтыков-Щедрин. – Санкт-Петербург: Вита Нова, 2010. – 448 с.

Салтыков-Щедрин, М.Е. Собрание сочинений: В 20 т. / М.Е. Салтыков-Щедрин. – Москва: Художественная литература, 1965–1977.

Соколов, Н.И. *Боград В. Э.* Журнал «Отечественные записки» (1868–1884): Указатель содержания. – Москва: Книга, 1971. – 735 с.¹

Строганов М.В. М. Е. Салтыков и Н. Щедрин: спор об имени // М. Е. Салтыков-Щедрин в зеркале исследовательских пристрастий: Материалы научной конференции. – Тверь: Тверской гос. ун-т, 1997. – С. 9-12².

Строганов, М.В. М. Е. Салтыков и Н. Щедрин: спор об имени / М.В. Строганов // М. Е. Салтыков-Щедрин: pro et contra. Антология. Книга первая. – Санкт-Петербург: Изд-во РХГА, 2013. – С. 814-818.

Струве, П.Б. Заметки писателя. 3. Русский язык. – Очистители и засорители / П.Б. Струве // Возрождение. 1926. 29 апреля. Четверг. № 331. – С. 3-4.

¹ *Рец.* // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – Москва: Изд-во АН СССР, 1973. Т. XXXII. Вып. 6. – С. 561-564.

² Новая редакция – в изд.: М. Е. Салтыков-Щедрин: pro et contra. Антология. Книга первая. Санкт-Петербург: Изд-во РХГА, 2013. С. 814-818.